

КИТАЙСКИЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ Б.А. ПИЛЬНЯКА "САНКТ-ПИТЕР-БУРХ"

CHINESE MOTIFS IN THE STORY OF B.A. PILNYAK "ST. PETER BURKH"

Cao Xuemei

Annotation

In the 18th and 19th centuries, Chinese motifs appeared and developed in Russian literature mainly under the influence of the West. In the late XIX and early XX century, generally in the East, and China in particular, was re-evaluated in the Russian consciousness. Pilnyak is one of such writers who began to consider the problems of Russia in the context of "East-West". In this article, the motif of the recurrence of history and the motif of idol worship as the main motives for mastering the Chinese theme in Pilnyak's story "St Petersburg Burk" are highlighted. In addition, an attempt was made to examine some of the artistic features of this extraordinary work.

Keywords: Pilniak, historiosophy, myth of China, motif of recurrence of history, motif of idol worship, Russian literature of the 1920s.

Цао Сюэмэй
Аспирант,

Московский педагогический
государственный университет

Аннотация

В XVIII и XIX веках китайские мотивы в русской литературе появлялись и развивались главным образом под влиянием Запада. А в конце XIX и начале XX века Восток в целом, и Китай в частности был оценен заново в русском сознании. Пильняк – один из тех писателей, которые начали рассматривать проблемы России в контексте "Восток – Запад". В данной статье выделены мотив повторяемости истории и мотив поклонения идолам как главные мотивы освоения китайской темы в рассказе Пильняка "Санкт-Петербург". Кроме того, предпринята попытка рассмотреть некоторые художественные особенности этого неординарного произведения.

Ключевые слова:

Пильняк, историософия, миф о Китае, мотив повторяемости истории, мотив поклонения идолам, русская литература 1920-х годов.

В течение XVIII–XIX веков в русской литературе сложился устойчивый миф о Китае и китайцах, который в процессе своего развития выразился в различных художественных образах. Один из них получил воплощение в мотивах "китайского ума", иногда восторженно, иногда с почтением воспетого в произведениях А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова, Екатерины II, Г.Р. Державина, А.Н. Радищева и др. Второй мотив возник в начале XIX столетия и, развиваясь наряду с первым, содержал по преимуществу отрицательные коннотации в оценке китайской темы. У Ф.В. Булгарина, В.Г. Белинского, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского и др. Китай предстает отсталым и "недвижным", замкнутым в оковах внутрикитайских ритуалов и церемоний.

Следует подчеркнуть, что оба мотива появились главным образом под влиянием Запада. После реформ Петра I Россия шла по европейскому пути: "...отношение к Западу за прошедшие два столетия было не столько отношением к Другому, Двойнику, сколько – к Отцу–просветителю, наставнику...". [3] Что же касается образа Востока в целом и Китая в художественной литературе, то, как точно заметил один из героев романа Ю.Н. Тынянова "Пушкин" (П.Я. Чаадаев), они являются "подражаниями Азии, взятыми из Европы" [11, С. 572]. Современный исследователь А.В. Лукин тоже говорит о том,

что, "несмотря на доступность первичной информации и свидетельства российских очевидцев и специалистов о Китае, в XVIII в. европейское влияние все же преобладало" [5, С. 54], а в XIX веке большинство представителей русской интеллигенции "рассматривали реальный Китай в рамках господствующих западных теорий того времени..." [5, С. 70].

В начале XX века, когда Первая мировая война, революция и Гражданская война практически разрушили основы российской государственности, отношение к Востоку подверглось переоценке. В русской литературе он все чаще и теснее начал связываться с судьбой России. Россия стала изображаться частью не Запада, а Востока. Например, по наблюдению Д.С. Лихачева, А. Белый в своем романе "Петербург" впервые "так ставит проблему России", в этом романе Петербург – "не между Востоком и Западом, а Восток и Запад одновременно" [4, С. 6]. Известно, что традиции А. Белого широко использовались в творчестве русских писателей следующего поколения и, в частности, Б.А. Пильняка, который посвятил китайской теме немало страниц.

Влияние Белого на Пильняка ощущается и в "повестушке"* "Санкт-Петербург", где автор подходит к осмыслению проблемы России в контексте "Запад – Вос-

ток" с тех же позиций, которые занимал его старший современник.

** Пильняк относился к жанру этого своего произведения снисходительно: он называл его иногда "то ли рассказом, то ли повестью", иногда "повестушкой", иногда "рассказом-повестушкой". Поскольку Пильняк сам не хотел окончательно определить жанр "Санкт-Петербург", мы будем называть его рассказом.*

Но в изображении Востока у Пильняка можно найти много различий. Его интересует не многоликий образ Востока, в который у Белого входили Япония, и Китай, и Туран, и Монголия и другие страны, а исключительно Китай. В "Петербурге" А. Белого восточная тема проявляется в фамилиях героев или в бытовых предметах, таких как "пестрая татарская ермолка", "китайские розовые яблочки", "китайский лаковый подносик", "японские веера", и др., что свидетельствует о "восточной ориентации" героев в целом. В "Санкт-Петербург" же мы видим акцент на сугубо китайской теме и находим много диалогов и отдельных слов на китайском языке. Произношение их обозначено русскими буквами (не всегда точно). Автор использует большое количество фактов из истории Китая: путь страны от первых императоров династии Цин до начала XX века, обычаи, традиционные учебные предметы и т.д. Можно сказать, что китайская тема захватила Пильняка. И это было не поверхностное увлечение. В 1921 году он писал М.М. Шапской: "...могу неделю лежать на диване и читать о Китае" [6, С. 125]. Пильняк размышляет и пишет о Китае и его связях с Россией, основываясь на множестве исторических фактов.

Есть еще одно важное различие в понимании китайской темы у Белого и Пильняка: образ Востока у Белого представляет собой художественное отражение идеи Вл. Соловьева о панмонголизме, который на рубеже XIX и XX веков воспринимался "прежде всего в ракурсе опасности, с ним связанной" [10, С. 193]. Что касается образа Китая у Пильняка, то нельзя не согласиться с мнением В.П. Крюčkова: "Исторические представления Б. Пильняка в рассказе "Санкт-Петербург", по мнению исследователей, не являются целостными" [2, С. 87]. Автор не дает четкий ответ на вопрос об отношении между Россией и Востоком, как это сделал Белый. Если у Белого Восток и Китай осознаются как опасность, то Пильняк начинает сближать Россию и Китай. У Пильняка Китай изображается как страна с историей, похожей на российскую. В рассказе автор называет Россию "второй Империей Середины". Похожее мнение высказывает один из лидеров евразийства П.Н. Савицкий в своей работе "Географические и геополитические основы евразийства": "Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться "Срединным государством"" [8]. Но если евразиец имеет в виду географические особенности России, то для Пильняка сходство двух стран основывается

на общих закономерностях исторического развития.

В образе Китая у Пильняка мы находим два главных мотива: мотив повторяемости истории и мотив поклонения идолам. Оба мотива проявляются в самом начале произведения: "Столетия ложатся степенно колодами. Столетий колоды годы инкрустируют, чтобы тасовать годы векам – китайскими картами. – "Ни один продавец идолов не поклоняется богам, он знает, из чего они сделаны!" [7, С. 394]. Заметим, что неоднократное повторение в тексте произведения одной и той же фразы играет важную роль в орнаментальной прозе Пильняка, способствует восприятию историософских взглядов автора.

У Пильняка мотив повторяемости истории, по мнению Крюčkова, – результат влияния Белого. Впоследствии это станет одной из заметных евразийских идей. В 1920 году в работе "Европа и человечество" Н.С. Трубецкой, критикуя европоцентризм в духе "Заката Европы" О. Шпенглера, признавал цикличность исторического развития и выражал уважение к особенностям чужих этносов. По нашему мнению, именно такая точка зрения позволяла русским мыслителям и писателям избегать крайностей европоцентризма и искать приемлемые для России варианты развития. Крючков также считает, что "целостная концепция истории в рассказе "Санкт-Петербург" определяется <...> популярной в Китае философией истории со времен историка Сыма Цяня (145–86 до н.э.), в которой сформулировано представление об историческом процессе как круговороте в истории, причем в представлении китайского философа круговорот истории наблюдается не в формах правления, а в его принципах" [2, С. 89]. Книга "Ши Цзи" (дословно исторические заметки) Сыма Цяня в русском переводе появилась только во второй половине XX века. Мы не нашли сведений о том, что Пильняк был знаком с этим текстом, однако знаем, что стиль и поэтика этого сборника повлияли на более поздние китайские исторические произведения. Пильняк же, читая книги о китайской истории, вполне возможно, встречал их. У него мы находим отзвуки тех этих мыслей, которые присущи "Ши Цзи"; например: "Две тысячи лет назад, за два столетия до европейской эры, император Ши-Хоан-Ти, династии Цин, отгородил Империю Середины от мира – Великой Китайской стеной, на тысячу ли, – Ши-Хоан-Ти, кой сверг все чины и регалии, всех князей, нанеся сим "смертельный удар феодализму" и став – богдыханом, как царь Петр в династии Романовых, "прорубил окно" и стал: Императором, лишь, – не успев состариться до Богдыхана" [7, С. 394–395].

Ши-Хоан-Ти и Петр I разными способами создали свою державу, открыли новую эпоху в своей стране. Пильняк рассматривает суть исторического развития

обеих стран как повторение одной и той же исторической ситуации, которая кончилась в начале XX века. Но не только в подобии исторических процессов проявилось, по мнению Пильняка, сходство России и Китая. Их, с его точки зрения, связывает склонность к обожествлению традиций и людей, которые у Пильняка уподобляются идолам.

Понимание идола у Пильняка тесно связано с божественными силами, что впервые встречаем в диалоге Петра I с сенатором. Недовольный "циркумстанцией", Петр I обвинил в беспорядке небожественные силы: "Поелику небесные светила зажжены суть Господом Богом, служат Богу и посему человекам не подвластны. И ... Какое огни на маяке зажжены суть рукою человека, посему – служат оные человеку!" [7, С. 395]. Здесь царь Петр подчеркнул место божественных сил. Однако Пильняк отрицательно относится к божествам, считая их бесполезными: ведь в ту ненастную ночь в Санкт-Петербург, когда Петр I недооценил силы человеческих рук, "исчезли бы звезды и остались бы одни огни, зажженные рукою человеков" [7, С. 396].

Божественные силы присутствуют в китайских мотивах у Пильняка. В создании образа китайского мальчика Ли-ян и исторической среды рубежа XIX и XX веков, окружающей его, Пильняк не раз обращается к тексту китайской песни, которая показывает наивное поклонение китайцев своим богам. Писатель предложил весьма свободный перевод этой песни: "Небо растворило небесные ворота, земля растворила земные ворота, чтобы постигнуть сонм небесных духов, ибо кулак правды и Согласия и Свет Красного Фонаря сметут одним помелом. И звезда Чжи-Ююй, обручившись со звездой Нью-су, помогут им, спасут и охранят от огня заморской пушки" [7, С. 409]. Однако перевод верно указывает на то, что это эта песня обращена к китайскому божеству. На самом деле она была своеобразным заклинанием для участников Ихэтуаньского восстания. Ее распространение объясняется тем, что повстанцы не могли в полной мере противостоять хорошо вооруженным западным странам, как они обещали. И такие заклинания помогали участникам Ихэтуаня набраться смелости, побороть страх перед "огнем заморской пушки". Но в рассказе Пильняка песня-заклинание не помогла: отец китайского мальчика погиб в бою.

Однако образы идола (он же бог) в рассказе "Санкт-Петербург-Бурх" неоднозначны. В тексте параллельно открывается другая смысловая слой идола-бога. Это те люди и традиции, которые настолько сильно влияют на исторический процесс развития стран и их народов, что получают место идола в сознании таких людей, как герои рассказа Иван Иванович Иванов или отец китайского мальчика. Эти образы – персонажи трагической истории

революции рубежа веков. Они были не в силах отказаться от "идолов" своего народа.

Герой рассказа Иван Иванович Иванов, по определению Пильняка, является "петербуржцем", "интеллигентом". Крючков указывает, что "Номинация петербуржец, как и интеллигент, характеризует героя как наследника Петра I" [2, С. 39]. Это подтверждает не раз повторяющаяся фраза в рассказе "ты еси Петр, и на камени сем созижду церковь мою" [7, С. 399]. В скифско-народнической традиции Петр рассматривается как идол. Продолжая эту традицию, Пильняк создает образ Иванова, поклоняющегося Петру как идолу. В отличие от Н.А. Бердяева и М.А. Волошина, Пильняк назвал Петра не первым "большевиком", а первым "коммунистом". На взгляд писателя коммунизм – это нечто чужой, не российское, неправильное, а для Иванова коммунизм – это его дело, ради которого он "послал расстрелять" своего брата.

"Поклонение идолам" для китайского народа – это прежде всего уважение к предкам. Отец мальчика Ли-ян часто ходил "размышлять в обществе предков о трудах, лучшей смерти и сарго" [7, С. 396]. Когда верившие в силу заклинания "уходили с песнями", "с ними ушел отец, взяв саблю с драконами у ручки, – саблю предка, которая всегда висела в кумирне" [7, С.398]. Предки занимают важное место в сознании китайцев, почти отождествляясь с божествами. По утверждению Соловьева, "культ предков, бывший некогда основным элементом в религии и жизни всех народов, только в одном Китае доселе сохранил за собою преобладающее значение религиозное и бытовое" [9, С. 345]. Такой культ связан еще и со стремлением китайского народа сохранить старый порядок; как указывает Соловьев, "противоположность двух культур – китайской и европейской – сводится в сущности к противоположению двух общих идей: порядка, с одной стороны, и прогресса, с другой. С точки зрения порядка важнее всего прочность социальных отношений... Прочный порядок есть состояние, которое держится силой прошедшего" [9, С. 404]. В процессе обучения мальчик Ли-ян узнал, что "человек есть продукт природы и потому не должен нарушать ее законов" [7, С.397]. Оказавшись в России, из необычайного уважения к законам, к порядку, китайский мальчик начинал напрягаться, когда видел, как "субординация спуталась" [7, С.404].

По мнению Соловьева, данная особенность китайского менталитета "разобщает этот народ с прочим человечеством, что делает его жизненный строй исключительным и в этой исключительности ложным" [9, С. 337–338], и "вследствие усвоения китайцами всех новейших усовершенствований" [9, С. 336] Китай станет угрозой для Европы. А Пильняк рассматривает особенности ки-

тайского народа с его позиций, то есть пытается определить, насколько опасен китайский менталитет для самих китайцев. Предки и старый порядок, которым китайский мальчик Ли-ян и его отец поклоняются как идолу, их не защищают: из-за войны на их родине "настал великая ночь Крови и Смерти" [7, С. 399].

Изображая процесс исторического развития своих героев (Иван Иванович Иванов, отец китайского мальчика, сам Ли-ян и др.) с их поклонением идолам, Пильняк предлагает свой историософский вывод, который сформулирован в словах автора, повторяющихся в произведении много раз. Во втором повторении автор связывает эти слова с Конфуцием: "Конфуций сказал еще: "Ни один продавец идолов не поклоняется богам, он знает, из чего они сделаны"" [7, С. 396]. На самом деле это не может быть мнением Конфуция. В сборнике "Лунь Юй" ("Беседы и Суждения") шесть раз упоминается о "богах", но в этих беседах и суждениях не выражено четкое отношение к "богам". Вопрос об отношении мудреца к "богам" остается спорным. Китайские ученые отмечают, что отношение Конфуция к "богам" было либо почтительным

(мудрец говорил, что "умным можно назвать того, кто <...> почитает духов" [1, С. 74–75]), либо сомнительным (именно поэтому "философ (т.е. Конфуций – Ц.С.) не говорил о чудесном, о физической силе, о смутах и духах" [1, С. 87]), но никак не отрицательным. Отрицательное отношение к "богам", которое проявляется в рассказе Пильняка, не могло даже появиться в эпоху, когда жил Конфуций. Но Конфуций с самого начала китайской темы в русской литературе стал символом китайской мудрости. Суть идола (или бога) в общем развитии истории, которую Пильняк почувствовал в китайской истории и заметил в истории русской, была выражена в мифологизированном образе китайского мудреца.

Итак, развивая идею "повторяемости" истории, Пильняк изображает историю со времен Петра I как повтор китайской истории с эпохи Ши-Хуан-Ти. В этом роковом повторении народы обеих стран подчиняются своим идолам, которые на самом деле опасны для каждого народа. Пытаясь связывать в этом отношении Россию и Китай, Пильняк обогатил китайский миф в русской литературе духовно-историческим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конфуция; [пер. П.С. Попов]. Суждения и беседы. М.: Центрполиграф, 2018. 284 с.
2. Крючков В.П. "Повесть Петербургская, или Святой камень-город" Б.А. Пильняка и "Петербургский текст русской литературы": интертекстуальный аспект. Саратов: Научная книга, 2005. 122 с.
3. Кузнецов П. Евразийская мистерия. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/2/kuzn.html (дата обращения 25.02.2017).
4. Лихачев Д.С. От редактора // Андрей Белый, Петербург, М: издательство "Наука", 1981, С. 5–6.
5. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 608 с.
6. Пильняк Б.А. Мне выпала горькая слава... Письма 1912–1937. М.: Аграф, 2002. 400 с.
7. Пильняк Б.А. Санкт-питер-бурх // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Голый год; Роман; Рассказы. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. С. 394–411.
8. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm>
9. Соловьев В.С. Китай и Европа // Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 332–407.
10. Топоров В.Н. О романе Андрея Белого "Петербург" и его фоносфере в "евразийской" перспективе // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М.: языки славянской культуры, 2003. С. 181–225.
11. Тынянов Ю.Н. Пушкин. М.: Эксмо, 2013. 640 с.

© Цао Сюэмэй, (583468988@qq.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Специфические языковые расстройства у детей:
вопросы диагностики и коррекционно-
развивающего воздействия»**

2018 года
23-26 августа

